

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Алексей РЕМИЗОВ

Дневник мыслей
1943 – 1957 гг.

ТОМ III
март 1947 – февраль 1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • 2017

УДК 821.161.1.09
ББК Ш5(2=Р)7-4Ремизов А. М. 12
Р38

Исследование осуществлено и издание подготовлено
при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований
(РФФИ, проекты № 13-04-00270а и № 17-04-16059д)

Не подлежит продаже.

Редакционный совет РГАЛИ:

Т. М. Горяева (председатель), В. А. Антипина, Л. М. Бабаева,
Л. Н. Бодрова, Е. В. Бронникова, А. Л. Евстигнеева, Т. Л. Латыпова,
М. А. Рашковская, Н. А. Стрижкова, Е. Ю. Филькина

Ответственный
редактор
А. М. Грачева

Архивное
сопровождение
Н. М. Коньчевой

Ремизов А. М.

Р38 Дневник мыслей 1943—1957 гг. / отв. ред., вступ. ст. А. М. Грачевой; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент., подгот. указат. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. — Т. 3: Март 1947 — февраль 1950. — 732 с.: ил.

ISBN 978-5-91476-084-4

«Дневник мыслей» (1943—1957) классика русского авангарда Алексея Ремизова — это уникальное произведение документально-художественной прозы русской эмиграции. Дневник включает в себя фиксацию и осмысление современных политических событий, отражает процесс творческой работы писателя, воспоминания об эпохе Серебряного века и сюрреалистические сновидения. Третий том содержит записи 1947—1950 гг. Публикация дневника сопровождается вступительной статьей, научным комментарием, аннотированным именованным указателем, а также впервые публикуемыми иллюстративными материалами — фотографиями и рисунками Ремизова.

Издание подготовлено научным коллективом архивистов и филологов ИРЛИ (Санкт-Петербург) и РГАЛИ (Москва).

УДК 821.161.1.09
ББК Ш5(2=Р)7-4Ремизов А. М. 12

ISBN 978-5-91476-084-4

© Российский государственный архив литературы и искусства, 2017
© А. М. Грачева, вступительная статья, 2017
© О. А. Линдеберг, подготовка текста, 2017
© А. М. Грачева, Л. В. Хачатурян, комментарии, указатель, 2017
© Л. Л. Ликальтер, художественное оформление, 2017
© Издательство «Пушкинский Дом», 2017

«Дневник мыслей»: границы пространственно-временного континуума Алексея Ремизова

Третий том «Дневника мыслей» А. М. Ремизова представляет собой продолжение публикации ежедневных записей, которые писатель вел с 1943 по 1957 г.¹

Ремизовский дневник является произведением нового вида документально-художественного жанра. Напомним: название «Дневник мыслей» было заимствовано Ремизовым у его друга — философа Льва Шестова, который назвал так комплекс записей периода 1919—1920 гг.², времени своего отъезда из «бунташного» Крыма в Швейцарию. Лейтмотив текста Льва Шестова — утверждение торжества человеческого разума над тяготами и бедствиями реального мира. Причиной использования Ремизовым «чужого» заглавия была свойственная писателю жанровая чуткость. Ранее он назвал

1. Ремизов А. М. Дневник мыслей: 1943—1957 гг. СПб., 2013. Т. 1: Май 1943 — январь 1946. 374 с.; Ремизов А. М. Дневник мыслей: 1943—1957 гг. СПб., 2015. Т. 2: Январь 1946 — март 1947. 380 с.

2. Шестов Л. Дневник мыслей // Континент (Париж). 1976. № 8. С. 235—252.

свои дневниковые записи времен революции 1917 г. «Временником», тем самым как бы манифестируя присоединение к исторической традиции очевидцев — летописцев катастрофических событий русской истории, каким был свидетель Смуты XVII в. дьяк Иван Тимофеев. Заглавие «Дневник мыслей» также соответствовало главной теме записей Ремизова и обстоятельствам их появления. Начало ведения Дневника совпало с периодом тяжелого переживания писателем смерти жены — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, скончавшейся 13 мая 1943 г. в Париже, оккупированном немецкими войсками.

«Дневник мыслей», начатый в 1943 г. в виде кратких записей о ежедневных событиях с нерегулярной фиксацией ночных сновидений, постепенно приобрел четкую форму. К 1947 г. вид и тип организации дневникового текста, казалось бы, окончательно сложились.

Ремизов вел свой Дневник на страницах школьных общих тетрадей. На левой (оборотной) стороне разворота тетрадного листа делались краткие заметки о дневных событиях. Это были восходящие к традициям классических бухгалтерских записей перечни лиц, которые приходили в парижскую квартиру Ремизова в доме 7 по улице Буало или участвовали в значимых для писателя событиях. То были посещения могилы Серафимы Павловны, присутствие в церкви на ежегодной панихиде по ней и по дочери Наташе, участие в праздновании Пасхи, Рождества и т. д. Также на этой странице записывались точные данные о гонорарах с указанием библиографических сведений о публикации; делались пометы о получении материальной (денежной или вещевой) помощи, писем и посылок; лапидарно фиксировались известия о кончине знакомых. Все записи сопровождалось цифрами, означавшими дату дневного события. Значительные по объему списки лиц могли, дополнительно к цифре, отмечаяющей день посещения ими квартиры Ремизова, сопровождаться еще внутренней порядковой нумерацией, в сумме обозначающей количество визитеров.

На правой стороне тетрадного разворота по-прежнему располагались ремизовские пересказы снов, помеченные двойной датой, обозначающей ночь с такого-то на такое-то число, например: «27—28. III», «20—21. IX», «17—18. XI» и т. д.

Однако в 1947 г. жесткая структура дневниковых записей претерпела изменения. Отчасти трансформировался и сам тип дневниковых заметок на левой и правой сторонах тетрадного разворота.

Для понимания причин эволюции формы и дальнейшего развития тематики записей «Дневника мыслей» надо кратко коснуться перемен в реальной жизни Ремизова, происходивших начиная с 1947 г. и связанных как с общей внешней ситуацией, так и с обстоятельствами существования писателя.

В эти годы переживаемое многими после окончания войны состояние радостного подъема, сознание мировой общности стран и народов, совместными усилиями победивших гитлеровскую Германию, начало сменяться ощущением наступления времени «холодной войны». Под влиянием патриотических чувств и надежд на возвращение на Родину к дочери, Ремизов подал прошение на получение советского паспорта. В 1946 г. документ был выдан ему. Однако до писателя дошло известие о смерти Натальи Алексеевны Ремизовой, скончавшейся в киевском госпитале в конце 1943 г. Кроме того, он имел достаточно объективные представления о сталинском режиме и, в частности, о цензурном гнете, который делал невозможным его существование в СССР как печатающегося автора. В итоге все эти факторы повлияли на решение Ремизова не возвращаться на Родину. Но писатель не прерывал отношений с просоветски настроенными эмигрантами и созданными ими организациями, конкретно — с Союзом советских патриотов. В издаваемой этим объединением газете он печатал главы из книги о своем революционном прошлом («Иверень»). Обратной стороной факта получения советского паспорта стало негативное отношение к Ремизову со стороны части эмигрантских кругов и крайне болезненный для литератора разрыв с некоторыми старыми знакомыми,

когда-то бывшими, как и сам писатель, яркими фигурами художественного мира эпохи Серебряного века.

Анализируя отразившиеся в «Дневнике мыслей» мотивации «поведенческого кода» Ремизова этих лет, нельзя также не учитывать присущей ему, когда-то студенту *математического* факультета Московского университета, веры в магию чисел — в нумерологию. Как отмечали наиболее хорошо знавшие его мемуаристы, Ремизов считал свое семидесятилетие, а оно наступало 24 июня (6 июля) 1947 г., предельным сроком отмеренной ему жизни. Возможно, что некоторые относящиеся к этому году неординарные поступки Ремизова определялись его априорной внутренней убежденностью в скором наступлении конца. Хотя нельзя исключать и вероятности того, что действия писателя по «приведению в порядок» своих парижских дел были обусловлены всё еще сохранявшимися у него надеждами на возвращение в Россию. По тем или иным причинам, но в 1947 г. Ремизов провел разборку — «чистку» своего личного архива. Он отобрал из него и оставил себе только то, с чем он не мог расстаться. Это были, прежде всего, материалы личного архива жены: ее дневники; переписка супругов Ремизовых; письма ее родных, дочери Наташи, а также некоторых жизненно значимых для Серафимы Павловны лиц, среди которых была, например, З. Н. Гиппиус; «заветная» тетрадь со стихами влюбленного в Серафиму Павловну и покончившего с собой в 1903 г. молодого революционера К. Л. Тышки и др. В ту же категорию «избранного» вошли рукописи произведений, находившихся у писателя в работе или остававшихся неизданными, его Дневник 1917—1921 гг. Всё остальное, а именно: огромное количество писем к Ремизову и к С. П. Ремизовой-Довгелло с 1921 по 1946 г.; планы, черновые редакции, наборные рукописи его сочинений, опубликованных за тот же период; собранные писателем тематические альбомы газетных вырезок; архивы его рано умерших литературных учеников — В. Диксона и И. Болдырева-Шкотта и многое-многое др., — всё было безвозмездно передано

Ремизовым парижскому эмигранту архивисту, выпускнику петербургского Археологического института К. И. Солнцеву. Последний планировал создать в Париже объединенный Архив русской эмиграции по образцу пражского Русского заграничного исторического архива (1923—1945). На 1947 г. последний уже не существовал, а его коллекции, как считали тогда многие эмигранты, были безвозвратно утрачены в годы войны³. Надо отметить, что вскоре Солнцев эмигрировал в США, без разрешения и уведомления писателя забрав с собой архив Ремизова. Этот отъезд и дальнейшая судьба архива стали предметами постоянного беспокойства литератора. В дальнейшем, после смерти нового владельца, это значительное по объему собрание рукописей и писем оказалось в подвале дома, где несостоявшийся организатор Архива жил последнее время, и уцелело только чудом⁴.

«Роковая» дата — 24 июня (6 июля) 1947 г. — прошла, а конец земного бытия Алексея Ремизова так и не наступил. Наоборот, началось время нового духовного взлета, очередного яркого всплеска его писательского таланта. 70-летний юбилей Ремизова был отмечен значимыми статьями и интервью с ним в русской эмигрантской периодике, а также во французской прессе, что способствовало поднятию жизненного тонаса писателя. В это время он стал активно печататься в нью-йоркских повременных изданиях «Новоселье» и «Новое русское слово», участвовал в парижских литературных альманахах и сборниках (так, в 1947 г. состоялась публикация альманаха «Орион»). В этом же году вышло пять книг, содержащих переводы произведений писателя — повести «По карнизам»,

3. Ныне архивные собрания Музея находятся в Москве — в ГАРФ и РГАЛИ. См.: Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель / отв. ред. Т. Ф. Павлова. М., 1999. 671 с.

4. Ныне хранится: Amherst Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers.

рассказов, легенд и сказок — на немецкий и французский языки⁵. Переводчики стали частыми посетителями квартиры на улице Буало. Ремизов детально обсуждал с ними проблемы переложения на другие языки художественно своеобразной лексики своей прозы.

Как известно, еще с начала 1910-х гг. стала формироваться литературная школа Ремизова, который всегда с воодушевлением занимался «воспитанием» молодых писателей, прилагая усилия по направлению их стилевых и тематических поисков в сторону того, что позднее, в 1920-е гг., будет названо им дорогой «русского лада». Влияние Ремизова как литературного «учителя» особенно проявилось в традиции русской авторской сказки, к примеру, оно ощутимо в ранних сказках А. Н. Толстого и М. М. Пришвина. Писатель не оставлял попыток продолжения литературного «учительства» и в годы эмиграции в Берлине, а затем в Париже, в 20-е — начале 30-х гг. Последний опыт его деятельности в этой области пришелся на 1940—50-е гг. и был связан с именем Н. В. Кодрянской. 1947 год стал временем начала интенсивной работы Ремизова над готовившимся к печати сборником ее сказок. Кодрянская жила в США и Швейцарии, бывая в Париже только наездами. В период ее отсутствия Ремизов почти каждый день писал ей. Примечательно, что в его посланиях кроме литературных «уроков» присутствуют детальные описания его жизни и окружения⁶.

5. *Remizov A.*: 1) *Die Geburt Christi*. Berlin: Der neue Geist Verlag, 1947. 20 S.; 2) *Geschichten*. Berlin: Der neue Geist Verlag, 1947. 48 S.; 3) *Legenden*. Berlin: Der neue Geist Verlag, 1947. 48 S.; 4) *L'autre secret*. Paris: Éd. Fontaine, 1947. 66 p.; 5) *Où finit l'escalier. Récits de la 4ème dimension: Contes et legends*. Paris: Éd. du Pavois, 1947. 336 p.

6. См.: *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. 416 с.

С 1947 г. началась пора небывалой творческой активности Ремизова-писателя. Одновременно он работал над реализацией нескольких литературных замыслов.

Он отделял, перерабатывал, переписывал, постоянно редактируя и совершенствуя, произведения, в своей основе создававшиеся еще в 30-е гг. — «Подстриженными глазами» и «Учитель музыки». В то же время Ремизов писал и публиковал главами в периодике США и Франции необычный по жанру текст о своей революционной юности — «Иверень».

После 1943 г. определилось еще одно, с точки зрения Ремизова, магистральное направление его литературной работы. Едва очнувшись после смерти Серафимы Павловны, писатель начал планомерно «воскрешать» возлюбленную в живом пространстве своего творчества. Первый результат этого мощного духовного импульса — произведение «Сквозь огонь скорбей»⁷, повествующее о последних годах и обстоятельствах смерти Серафимы Павловны (позднее оно составило заключительную часть романа «В розовом блеске»⁸).

1947—1948 гг. стали порой напряженной работы литератора над созданием произведения особого художественно-документального жанра — книги «На вечерней заре». В ее основе лежала цитируемая, пересказанная и откомментированная переписка Ремизова и Серафимы Павловны⁹.

7. Отдельные главы впервые опубли.: Ремизов А.: 1) Залом — из страд «Сквозь огонь скорбей» (1. Вывертедь; 2. Беспастушное пространство) // Орион: Литературный альманах под редакцией Ю. Одарченко, В. Смоленского и А. Шайкевича. Париж, 1947. С. 83—94; 2) Святыи вечер // Русские новости (Париж). 1947. 3 янв. № 86.; 3) В розовом блеске: Из страд «Сквозь огонь скорбей» [1. Пропад; 2. Сирена; 3. Конец; 4. Омут; 5. Туда; 6. Дупло] // Новоселье (Нью-Йорк). 1948. № 37/38.

8. Ремизов А. М. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 314—384.

9. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло: [письма 1900—1906 гг.] / вступ. заметка, публ. и коммент. А. Д'Амелия // Europa Orientalis. 1985. № 4. Р. 143—190; 1987. № 6. Р. 239—310; 1990. № 9. Р. 443—498; На вечерней заре: Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год;

Тогда же, не прекращая своих прочих литературных занятий, писатель начал реализовывать новый замысел — написание цикла «Легенды в веках». Его составили авторские переработки знаменитых легенд и притч Средневековья, известных в переводах древнерусскому читателю. Создание «Легенд в веках» явилось еще одним проявлением характерного для творчества Ремизова художественного самопознания. Но по мере продвижения работы автора над циклом одним из его главных лейтмотивов стало постоянное соположение истории любви писателя к Серафиме Павловне с мировыми легендами о великом чувстве. Тем самым Ремизов и после окончания трудов по созданию «На вечерней заре» продолжал главное дело последних лет своей жизни — духовное «воскрешение» возлюбленной. В 1949 г. он завершил первое из произведений цикла — «Повесть о двух зверях. Ихнелат»¹⁰.

Разнообразная литературная деятельность Ремизова «географически» замыкалась в ограниченном пространстве его квартиры в доме 7 на улице Буало, месте, которое он почти не покидал из-за постоянно усиливавшейся болезни глаз. Круг посетителей его жилища крайне разнообразен и, в то же время, узок. Многочисленными визитерами Ремизова были писатели, издатели журналов и переводчики, люди самых разных профессий, интересующиеся литературой, и, наконец, просто знакомые или знакомые знакомых из других стран. Всё это — представители не только первой, но и второй волны русской эмиграции, а также иностранцы (американцы, англичане, французы и пр.). Однако постоянный, «ближний круг» общения литератора в своем большинстве состоял из пожилых эмигрантов, живших в том же доме, как, например, востоковед В. П. Никитин («Эмир»), родственница лингвиста Б. Г. Унбегауна —

1908 год; 1909 год (часть первая) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Р. Обатиной // Русская литература. 2014. № 1. С. 149—178; № 3. С. 142—185; 2015. № 3. С. 153—203.

10. Впервые опубли.: Ремизов А. Повесть о двух зверях: Ихнелат. Париж, 1950. 61 с.

Е. Д. Унбегаун («Бабушка Верховая»), или обитавших по соседству, как, например, преданный почитатель писателя В. Н. Унковский («Африканский доктор»¹¹). В число его близких друзей также входили члены семейного «клана» Резниковых — Сосинских — Андреевых, включая его главу — О. Е. Колбасину-Чернову. Незаменимыми помощниками Ремизова в житейских делах были скромные эмигрантки, такие как, например, Н. Г. Львова-Шипулина, наделенная писателем многими шутивными прозвищами, в том числе «Nonne St. Vierge et Martyre», и О. Н. Можайская-Емельянова («Меню», «Нерпа»). Друзья, особенно сердобольные попечительницы, не бросали писателя, были рядом с ним. Однако нельзя не учитывать, что интеллектуально насыщенная жизнь Ремизова протекала в трудных обстоятельствах существования послевоенной Франции: в условиях карточной системы, не прекращавшегося роста коммунальных платежей, нехватки жилья, неоднократных попыток различных знакомых и незнакомых людей «уплотнить» Ремизова — подселиться в его квартиру. Получаемые гонорары едва-едва обеспечивали жизнь писателя, у которого, к тому же, после смерти жены была ослаблена волевая мотивация к «борьбе за существование». Ремизов обитал в угнетавшей его атмосфере разнообразных шумов, долетавших до его обостренного слуха сквозь тонкие стены переполненного жильцами дома, был отягчен неотступными мыслями о добывании денег на оплату бытовых расходов, нередко испытывал чувство голода.

С 1947 г. эта малорадостная «реальность первой степени» — подробности быта — отображается не только в лапидарных пометах «Дневника мыслей», посланиях к Н. В. Кодрянской, но и в развернутых письмах Антонине Федоровне Рязановской¹². Она была же-

11. Подробнее о взаимоотношениях Ремизова и В. Унковского см.: Грачева А. М. О писателе Федоре Сологубе, беллетристе Владимире Унковском и редакторе Алексее Ремизове // Русская литература. 2013. № 4. С. 75—84.

12. Письмо Ремизова А. Ф. Рязановской частично опубликовано: Alexei Remizov: Unpublished letters to N. V. Reznikova and A. F. Ryazanovskaya / publ. by Sona Aronian //

ной историка Валентина Александровича Рязановского — родного брата одного из ближайших друзей Ремизова 1910 — начала 1920-х гг. — архивиста и книжника Ивана Александровича Рязановского¹³. А. Ф. Рязановская сама была наделена литературным даром, писала под псевдонимом «Нина Федорова», но, главное, была человеком большого сострадательного сердца. Живя в Сан-Франциско, В. А. и А. Ф. Рязановские наладили связь с Ремизовым и с 1947 г. начали посылать ему продовольствие и одежду. Искренняя доброта Антонины Федоровны вызвала ответную открытость со стороны Ремизова. В своих письмах он не только благодарил ее за помощь, рассказывал о литературных трудах, но и не стесняясь, обстоятельно, зачастую с неприглядными бытовыми деталями, описывал свое парижское житье, а также условия существования своего «ближнего круга». В одном из первых посланий — от 20 июля 1948 г. — Ремизов писал Рязановской: «Дорогая Антонина Федоровна! По письму чую Вашу душу, и хорошо пишете: сердце бьется в Ваших строчках. Я почти ослеп и вот уже годы живу в затворе и забыл, что такое ночь на воле. Но слух у меня — слышу шорохи, и в шорохе различаю шепот, то же и в человеческом голосе: сказанное и написанное. / Всякий день мне снятся сны — моя вторая жизнь, и всё (совсем) в ней по-другому, и я непохожий. Так я и уйду из жизни через сон коридорами. / Мы жили всегда окруженные людьми, но чувствовали себя одиноко. Как только человек подымается, он нас бросает. И единственный, всегда оставался с нами, был Иван Александрович Рязановский. Теперь я думаю, это была одна из крепчайших связей в жизни, наш спутник. Вашим детям передаю две его карточки, чудесным образом оказавшиеся с нами за границей. / Что

Russian Literature Triquarterly. 1986. № 19. Remizov-II. P. 288—300.

13. Об И. А. Рязановском подробнее см.: Сизинцева Л. И. Надвязанное: Иван Рязановский — костромское «эхо» Серебряного века // Вестник Костромского гос. ун-та. 2008. № 18. С. 142—153. (серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия; Т. 14).

мне нужно особенно? Чай, сахар, кофий (в зернах), рис, папиросы и тетради. А если консервы, то рыбные. Если вздумается и можно, буду Вам очень благодарен. / Вашу английскую книгу, о которой я много слышал, могу ли просить у Вас? Меня по-русски не издают с 1931-го года, а старые издания трудно достать. 10 книг не изданы, наклеиваю в тетради. Не могу Вам отдарок послать. Алексей Ремизов»¹⁴. Письма литератора к А. Ф. Рязановской наряду с посланиями к Н. В. Кодрянской стали своеобразными эпистолярно-дневниковыми регистраторами событий, прежде всего реальной жизни писателя, и, вследствие этого, существенно дополняют зачастую имманентные записи его Дневника.

В это время «Дневник мыслей» существенно модифицируется и структурно, и тематически.

«Дневная» (левая) сторона тетрадного разворота, на которой фиксируются повседневные контакты Ремизова с современниками, в целом остается прежней. Ее составляющие: сведения о гонорарах, полученных посылках, кончине знакомых, а также разные по объему «перечни» посетителей. На этой странице неоднократно появляются и такие, идентичные по смыслу, записи: «1) (1 декабря 1947 г.) никого»¹⁵; «23) (23 марта 1948 г.) никого»; «24) (24 марта 1948 г.) ник(ого)»; « 28) (28 июня 1948 г.) никого»; «6) (6 декабря 1948 г.) никого» и т. д. Значительным изменением «дневной» стороны является то, что иногда она как бы «возвращается» к тому виду, какой имела в первой тетради Дневника, когда на ней располагался текст авторского монолога, а не лапидарная нумерологическая фиксация дневных событий и посещений. Например, в записи 25 марта 1948 г.:

14. ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 495.

15. Здесь и далее тексты «Дневника мыслей» цитируются по автографу: РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 35 и 36.

«На ночь думал: “К ‘снам’”.

Мертвый не может видеть живого и живой мертвого. Но, зная магический прием, мертвый может увидеть, а живой магией же схоронится.

Единственное общение: во сне.

В том мире человек теряет свои личные свойства. Его можно узнать по заветной памяти в жизни: по дару.

“Голос в голос, волос в волос”».

Позднее эта дневниковая запись в переработанном виде была включена Ремизовым в эссе «Полодни ночи»¹⁶ (опубл.: 1953), далее ставшее частью книги «Мартын Задека. Сонник» (Париж, 1954): «Продолжающееся бытие мертвых открывается в снах у живых. В сновидении единственное общение “этой” жизни с “той” жизнью. Только так мертвые и могут входить в жизнь живых и, возможно, что и живые могут что-то изменить в судьбе мертвых»¹⁷.

Основные структурные и семантические трансформации происходят с видом и содержанием «ночной» (правой) стороны тетрадного разворота.

На эту страницу Ремизов начинает периодически добавлять комментарии, поясняющие отсутствие записи сновидения или причины его информативной недостаточности:

Запись 31—1. IV. ⟨1947⟩

«Очень поздно лег: объяснял Одарченко его рассказ в “Ларионе”: “Чего не надо”. Снова задавил сон. И поднялся ни свет ни заря».

Запись 12. IV. ⟨1947⟩

«Так устал последние 2 недели: кончил “Идиота” и думаю, как напишу, сон весь пронизан мыслью, без образов».

16. Впервые опубл.: Ремизов А. Сны в русской литературе. Полодни ночи // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1953. 7 июня. № 15016.

17. Ремизов. [Т. 7]. С. 357.

Запись 24—25. V. (1947)

«От того, что пришлось стоять, дожидаясь очереди в Консульство, очень болела нога: я заметил, что это и всегда так: как сверлит. Пришлось выжидать, когда успокоится, курил. И заснул легким сном — нежным овевающим. Помимо цвета, Кодрянская, и еще кто-то с тишиной и (слова не найду) тихостью майского утра, как сейчас — здешняя Троица».

Запись 24—25. VI. (1947)

Много стоял, и ночью сводило ногу. Очень больно. Боль срезала сон».

Запись 27—28. XI. (1947)

«Не могу вспомнить сна. За что ухватиться. Очень было холодно. И огорчения. Не великой важности: к сроку перевод не кончен. (Бахрак). Но меня это изъело. И вот эта мысль стерла сон».

Запись 27—28. VIII. (1948)

«Контролер — электричество и счет газ — sveили сон. Осталось: делаю постройку из ящиков. Один из ящиков: Пришвин».

На «ночной» странице также появляются дневниковые записи, напрямую отражающие бытовые события дня:

Запись 14—15. IV. (1947)

«Это наяву: в полдень страшный стук. Я отворил и узнал: это почти помешанная. Не здороваясь: “Сдайте комнату”. — “Нет”, — говорю. И она, не говоря, пошла по коридору. “Да у вас много комнат”. Я очень резко остановил ее».

Запись 10—11. VI. (1947)

«Возиться с собой мне всегда тягостно, а пришлось за порошками в аптеку. Все сделалось чудес(ным) образом. Оля Андреева достала, а Кодрянская чай и сахар».

Запись 26—27. VII. (1947)

«Вот странно, видел много снов, а не могу ничего вспомнить».

Запись 1—2. X. (1948)

«Не могу вспомнить. Очень было холодно. А днем без кофий».

Запись 8—9. X. (1948)

«Жарили кофе. И так задымили, дышать нечем. Сон поверхностный. Пантелеймонов».

В ряде записей автор не просто номинативно констатирует, но и анализирует увиденное во сне:

28—29. IV. (1948)

«Переходы. Сад. Я живу в саду. Алданов. Меня выгоняют в сад из комнаты. Сон не яркий, а выблискивающий: д(олжно) б(ыть) от усталости: натирал пол и думал о деньгах».

Нередко фиксация сновидения трансформируется в его развернутый аналитический пересказ:

Запись 19—20. VIII. (1948)

«Все время один вопрос: что вы сделали? И К(опытчик) (С. К. Маковский. — А. Г.) отвечает: “Ничего, но я сделаю — наверное”. Потом Копытчик: почему так любят забавляться “мраком” и “пророчеством”. И ругать. Какой висел мрак в Петербурге перед войной 1914 г. Религиозно-философские собрания. Один Мережковский, съеденный Достоевским, символ. Очарование “мировой погубелью”. А Блок предчувствовал землетрясение. Помню, я молча все слушал, но ничего-то, ничего не чувствовал. Так в разговорах с Копытчиком сегодняшний сон».

Сновидения не просто «фактографически» заносятся в Дневник, но и подвергаются «литературной обработке». Она имеет несколько видов. На начальном этапе автор стремится внести в запись содержания сна субъективную точку зрения повествователя, старающегося рационально осмыслить увиденные образы. Например:

Запись 10—11. IX. (1948)

«“Чего ты спишь?” А я подумал: а и вправду я сплю, но ведь я не говорил, что не сплю.

Прохожу через широкие улицы. Какие постройки — новый дворец цвета сливок, он подымается на глазах по ту и по другую сторону улицы. М. И. Терещенко и П(елагея) Ив(ановна) — но она совсем другая: моложе, а главное, крепкая и светлая. Может, она это сказала: “Чего ты спишь?”»

Следующим этапом «литературной обработки» является изменение жанровой природы сно-формы. Уже в момент непосредственной записи сна его изложению придается нарративная форма. Текст меняет прежнюю типологическую жанровую принадлежность. Теперь его можно отнести к пограничному жанровому виду, расположенному на грани документальной и художественной прозы. В дополнение к субъективации повествования происходит его сюжетное развертывание, персонажи (исключая С. П. — Серафиму Павловну) получают взамен инициалов более полные имена, иногда еще сопровождаемые авторскими пояснениями. Например:

Запись 28—29. II. (1948)

«Вчерашнее: забота, погубившая Фауста, оказалась желанной гостьей. Цель жизни.

Попал в неизвестный город. И признака не найду. И справиться о поезде не знаю, где. Брожу по улицам, да и мостовая — колдобины, все перескакивать и перелезать. И собрались все революционеры — когда-то молодые — сейчас все старые люди. И я смотрю на них — на эту историю — с восхищением, сколько в них было порыва, огня. И вот обуглившиеся, но с горячим сердцем. И среди них жалкий в сером — Стекольщик (Пантелеймонов). Я отошел в сторону и вижу С. П., и она говорит: “Я хочу оставить тебя”. И по улыбке замечаю,

что никогда не оставит меня. Она была так светла, и так ярко — я как поднялся, и какие-то мне молоко несут и показывают мне комнату — ночь перебыть».

Запись 15—16. III. <1948>

«Подают мне два ящика: один побольше, а другой совсем маленький. В первом — баранки, в другом — талисман. Второй ящик я не раскрыл — я знаю: талисман — нежнейшая тонкая палочка, как засушенный цветок тонкого аромата. Сквозь футляр проникает благоухание.

Баранки я повесил за окно — окно в сад, на ветку, рукой взять.

Живем мы наверху. А внизу Коммиссаржевская. В приемной комнате у нее много вещей — разбросаны. С. П. торопит меня: сейчас проснетесь, неудачно. И я перехожу на лестницу и все схватываюсь о баранках. А талисман со мной.

А. Р. Кугель: я прочитал пьесу Ходотова и показываю. Пьеса никуда. Кугель одобряет. С. П. говорит: надо купить 60 резинок. И Диксон согласен.

“Но куда нам столько”, — говорю, и рассказываю, как меня однажды арестовали: жить во дворце не очень удобно. И арестовали только за то, что я в приемной Коммиссаржевской забыл... С. П. прерывает, укоризненно глядит: зачем я это рассказываю.

А я спускаюсь и к окну, где висят баранки: они раскачиваются на ветке, и одной нет — или упала, или птицы взяли.

И встречаю Лифаря. Он недоволен. Мы ему не по душе. “Но что вы хотите?” — “Да не то, не то”, — и он перелетает со скамейки на скамейку».

Наконец, краткая фиксация сновидения начинает осмысляться Ремизовым как материал для последующего создания развернутого, художественно обработанного текста. Иногда последний записывается на следующей, «ночной», странице Дневника, придавая последней добавочную функцию — места для «чистовика», т. е. записи литературно отшлифованного текста сно-формы. Сравним:

Л. 8

1—2. III. (1948)

«1) Посвящение. Очень страшно. Пришвин.

2) К(одрянская) с альбомами повседневыми и синаник портреты

{ Наташа Резникова.

3) Несостоявшееся представление.

4) В поезде, с татарами.

5) Алекс(андр) II и дает мне бумагу на торжество. Знает, что сам я ее писал. Но все равно, не пропустят».

Л. 9 (Л. 8 об. — не заполнен)

(Без даты)

«Иду по узкой дороге влажной, и чем дальше иду, тем страшнее мне из-за поворотов: как возвратиться — не узнаю дорогу. И на некоторых поворотах сторожа: как наша консьержка: “Не дойдешь!” По дороге Пришвин. Он уверенно идет: он знает эти дороги.

К(одрянская) показывает два альбома: один “повседневный”, другой “синаник” — портреты. К(одрянская) вся кубическая и вращающаяся. И тут же Наташа Резникова с ревнивыми глазами.

Человек — росту с Чижова — соломинка с розовым носом¹⁸. Раздвигает занавес: началось. А что начинать, ничего не приготовлено. Полон зал. И все ждут.

И я попадаю в поезд — быстро неминуемо. А ездят: татары. И меня мчит без остановок.

Ал(ександр) II показывает мне бумаги. В одной я узнаю свою рукопись. Распльлось — пролили воду. Это пропуск на торжество.

Да все равно ведь не пропустят».

Тематически «Дневник мыслей», как и ранее, связан с обстоятельствами реальной и духовной составляющих жизни Ремизова.

18. В необработанной записи снов на л. 8 образ «соломинка с розовым носом» завершал запись сна с 29 февраля на 1 марта и относился к другому лицу: «А. Д. Радлова. Соломинка с розовым носом».

В 1947 г. тематика сновидений еще остается в значительной степени обусловленной мыслями писателя о возвращении на Родину. Для Ремизова эти размышления мотивно связаны с постоянно встречающимся в сно-формах образом «поезда». На нем писатель стремится уехать в Россию вместе с Серафимой Павловной, но осуществлению их намерения постоянно препятствуют различные обстоятельства:

Запись 11—12. VII. (1947)

«Едем в поезде с С. П. Встречают поезд. И из него Симонов. Выскочил чокнуться — поезд сорвали, и я увидел, как со стаканом, весь в сером, он едва удержался и скрылся. С нами едет много детей, и все ко мне льнут... Тут и Аитов».

Запись 21—22. IX. (1947)

«Вышли из поезда. Пересадка. Толпятся. Багаж: чемодан раскрыт, надо упаковать. И чувствую, не умею».

Запись 11—12. X. (1947)

«Едем в вагоне. Остановка. Перехожу через пути с опаской. И еще поезд — вагоны, как автомобили. И какая-то дама, я ее знаю, неотступно. И О. Н. Емельянова — жалкая».

Запись 1—2. XI. (1947)

«Проводы. Прощались с Керенским. Нам тоже ехать, что-то с билетами задержка. Приходится ходить по кассам. По дороге “вернулся” из Америки Афонский: сидит на тележке».

Запись 5—6. XII. (1947)

«Мы собрались ехать. Ждем поезда. И подходит какой-то автомобиль в виде кареты. Я сел. И Chuzeville. И поехали. И я спохватился: Chuzeville в Лион “на минутку”. Думаю, выскочить и пешком вернуться. А далеко. А главное, С. П. на вокзале. Будет искать меня, куда скрылся. А автомобиль быстро катит. “Да я на минутку в Лион, — повторяет Chuzeville, — успеем!”».

Запись от 10—11. III. (1948)

«Я еду, в поезде, но выскочить трудно — ремонт путей, и заезжаю куда-то не туда. И вижу, как хотел бы вскочить в вагон, а путь исправляют, не попасть».

В сно-формах Ремизов продолжает образно осмыслять суть и последствия таких событий своей жизни, как принятие советского гражданства и получение паспорта.

Запись от 21—22. IV. (1947)

«Через какие-то лестницы и коридоры я проходил — выдача паспортов. И какая толпа. И каких-то документов не хватает. И все-таки я оказался вторым. Стою и жду. Ищут по книгам: сейчас мне выдадут».

Запись 30—31. V. (1947)

«Собрание: меня упрекают за паспорт. А я говорю: я напишу В. А. Залкинду в Палестину. Ищу магазин — мне надо купить, а чего, не помню. И всё иду — в сторону. И С. П.».

В «Дневнике мыслей» зафиксированы тяжелые переживания Ремизовым ряда негативных последствий сделанного им выбора.

24 мая 1947 г. секретарь Союза русских писателей и журналистов В. Ф. Зеелер предложил исключить из членов организации всех, имеющих советское гражданство. После полемики и простого голосования предложение было утверждено. 22 ноября на собрании Союза в его устав были внесены изменения, которые легитимировали принятую ранее резолюцию. Сразу после этого группа писателей (Г. Адамович, В. Андреев, А. Бахрах, В. Варшавский, Г. Газданов, А. Ладинский, Ю. Терапиано, Тэффи и др.) в знак протеста вышла из Союза, а 11 декабря их примеру последовал И. А. Бунин. История с исключением была болезненно воспринята Ремизовым, испыты-

вавшим чувства обиды и протеста против несправедливости. Информация о случившемся кратко записана на «дневной» странице Дневника:

Запись 23 ноября 1947 г.

«23) Никого / (Меня выгнали из Союза писателей)».

На «ночных» страницах это событие, психологически сильно травмировавшее Ремизова, появляется неоднократно и не один год в разных метафорических формах:

Запись от 11—12. III. (1948)

«С. Ю. Прегель с ореховым пирогом. Я вспомнил, только в революцию С. П. добывала такое — ломтик. И мне казалось, что вкуснее ничего нет. И помню, чувство проходит голода, и холодно, но движения остаются, это с 1918 г(ода). (...)»

И без всякого пирога я очутился в проходной комнате. Лежит “Эмир”, слившийся с Зеелером, крупный, ножищи — в версту. На той версте я присел.

“Единственное средство — написать прошение и подать в Союз!” — слышу голос от голоса, за 3 версты.

И тут какой-то, тоже присоседившись, учитель английского языка, а в руках у него учебник алгебры, с алгеброй прилег. И я на нем написал что-то очень дерзкое, совсем не похожее на прошение. И “Эмир” поднялся. Такой огромный — саженный — и под упреками — они меня не хлестали — а тыкали, я вдруг проснулся».

Запись от 8—9. III. (1948)

«Прохожу по дорожке — коридору. (...) Много народу. Это “писатели”. Со мной не здороваются, но я вижу, узнают — по улыбке не приветливой, а снисходительной, и, скорее, презрительной».

Особенно тягостным для Ремизова был бойкот, которому его подверг человек из «ближнего круга», сосед по дому 7 на улице Буа-

ло — режиссер и теоретик театра Н. Н. Евреинов, переставший здороваться и подавать ему руку:

Запись 23—24. IV. (1947)

«Евреинов, рассказывает. А я стою за ним. И я говорю: “Я хочу, хоть перед смертью, все недоразумения выяснить: я против вас ничего дурного не думаю”. А он, обернувшись, говорит: “Перед смертью”. И С. П. тут: он это ей. И не подал мне руку».

Запись 11—12. XI. (1947)

«Выбираю для чтения: проза. И все не ладится. Евреинов: “Ренегат!” И с какой ненавистью. А Кодрянская: “Воло⟨г⟩да” — это звучит как с того света, отдельно и резко».

Знаковый «жест» бывшего соратника по «новому искусству» — не подать руку Ремизову как человеку, «продавшемуся Советам», совершившему, с точки зрения Евреинова, непорядочный поступок, — в снах приобретает обобщенный характер. Этот «жест» повторяют другие близкие к Ремизову люди, в реальности далекие от сфер, где кипели политические страсти старых эмигрантов:

Запись 29—30. I. (1948)

«Над⟨ежда⟩ Алекс⟨еевна⟩ Добровольская-Завадская и Африканский доктор (Унковский). Н⟨адежда⟩ Ал⟨ексеевна⟩ не подает мне руку: “я советский”».

Мысли о потенциальной возможности реализовать грезы о возвращении получают в сновидениях Ремизова образное воплощение в снах о двух по-разному темпорально и эмоционально маркированных топосах — Франции и России.

Франция — пространство настоящего. Для Ремизова это Париж. В меньшей степени — центр города с его проспектами, площадями и мостами, в значительно большей — небольшой «пяточок» внутри XVI округа. В сердцевине этого мысленного мини-круга

из улиц, магазинчиков и храмов, находится квартира в доме 7 на улице Буало. Она является основным местом действия сновидений «парижской» тематики. Ее пространство пластично и растяжимо до бесконечности, но у квартиры есть одна постоянная характеристика: в ней неизменно находится Серафима Павловна. Сюда к ней и, естественно, к Ремизову, приходят многочисленные гости из разных времен и миров.

Другим пространством снов является Россия, которая предстает в образе страны детства, — края, где писатель пережил события второй русской революции. Но она же оборачивается неизвестным и страшным СССР, притягивающим писателя, как влечет в бездну пленительно звучащая «мышкина дудочка» крысолова из Гамельна. Персонификацией и России, и СССР становится Москва, возникающая в разных ипостасях. Изначально это Первопрестольная — город, где жил мальчик, а затем юноша Алексей Ремизов. И снова в меньшем числе сно-форм место действия — исторический центр, а в основном в сновидениях вновь и вновь возникают дома, храмы и улицы Басманной части. Средоточие данного пространства — территория фабрики и усадьбы Найденовых, где прошли детство и юность писателя. Это — постройки на берегу Яузы около давно канувшего в Лету Полуярославского моста, напротив Андроникова монастыря. Темпорально в таких снах иногда открываются проекции в прошлое Москвы XVI—XVII вв., но главное время действия — конец XIX в. Примечательно, что «сонные дороги» автора Дневника зачастую повторяют не раз хоженные маршруты его давних реальных путей от владения Найденовых до мест учебы — Александровского коммерческого училища и Московского университета.

Запись 3—4. VI. (1947)

«Наша детская в Москве. Я лежу на своей кровати у стены, а впереди меня кровать Виктора. В комнату входит Ися и с ним Н(аталя) В(ладимировна) и идут тихонько к противоположной стене, где спала нянька. Виктор забеспокоился, и его кровать задвигалась.

И я проснулся. И мне чего-то беспокойно. Ко мне подошла Н(аталья) В(ладимировна): “Еще рано вставать! — сказала она, — еще ночь!” И я проснулся».

Вторая ипостась родного города писателя: Москва — столица СССР. Это — место, куда Ремизов возвращается, осуществив свою заветную мечту. В Москве советской оказывается старый полуслепой писатель. И он убеждается, что старое — его город — уничтожено, а новое — неведомо и страшит. В снах Ремизова современная Москва соединяет в себе и неизвестное, и хорошо знакомое по тяжелой памяти о пережитых в России годах «военного коммунизма».

Запись 23—24. VII. (1948)

«Переходы и нигде пристанища. Приехал в Москву. Живу в шалаше. Пока не выдали паспорт, разгуливать по улице нельзя. А я все-таки вышел на Тверскую. И заблудился. И брожу, переходы проломали, а до своего шалаша не могу добраться».

Запись 23—24. XII. (1948)

«Нам надо ехать в Москву: билет на поезд в ч(асов) 6. А у меня из очков выскочили стекла. “Где я там буду поправлять?” И по найденновскому двору идет Иван Семенович в красноармейской форме и с ружьем. И мы пошли вместе. “Надо ему сказать, что поезд в 6 ч(асов)”. И вдруг я сообщаю, что уже 9-ть!»

Запись 9—10. I. (1949)

«Мы живем в Москве. Дом — очень высоко. Комната — все хорошо, но как с чаем: кухня внизу, а у меня ни машинки, никаких приспособлений. Тут же и Лифарь где-то. У меня револьвер: странно, какое устройство: скручено из ваты — хлопушка. И я понял, что в комнате я один. И даже выстрелом я никого не докличусь».

Ремизову приносили на дом эмигрантские и французские газеты. Он получал из них информацию о современных политических событиях, в частности, об усиливавшейся конфронтации между

бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции и о действиях СССР по объединению коммунистических партий разных стран под эгидой Москвы и ее всевластного лидера И. В. Сталина. Ночная аккомодация полученных днем сведений рождала у Ремизова сны, иногда подобные пророчествам. Таков, например, один из его снов о Сталине:

Запись 20—21. IX. <1947>

«В большом зале. Очень много народа. И тут Сталин. Подымается и пляшет: на груди большой крест. Танец торжественный. И все уходят за ним. Появились новые. Я сижу в отдалении. Перехожу к столику С. П. И вижу, с ней Горький. Сажусь с ним: он очень холодный и ко мне неприветливо.

Вхожу в пустую залу: при входе свалены трупы — убитые на демонстрации. “Как это странно, что я не попал! — думаю, — ведь я только что проходил со всеми”. Встречает С. П.».

Примечательно, что буквально через сутки после сна Ремизова — 22 сентября 1947 г. — в польском городе Шклярска-Поремба началось совещание делегаций коммунистических партий (22—28.09.1947). На нем был констатирован раздел мира на два лагеря — «империалистический» и «демократический», и основано Информационное бюро коммунистических партий (Коминформ), которое должно было «координировать» деятельность компартий при фактическом сохранении ключевой (доминирующей) роли в коммунистическом движении ВКП(б) и ее генерального секретаря — И. В. Сталина.

Запись 15—16. VII. <1948>

«Д(олжно) б(ыть), ехали на пароходе. Высадили в саду. Скамейка. <...> Сад зеленый. Надо войти в дом. Но С. П. не хочет — на пути сидит похожий на Одинца. Я ему говорю: “Я — ‘интернационалист’”. И он отвечает неодобрительно: “Теперь надо об этом подумать,

за границей ‘неладно’”. Я понимаю: “Здесь коммунисты против России”».

Ремизов внимательно следил за происходившим на Родине, и особенно за тем, что было связано с родом его профессиональной деятельности, — за литературой и за действиями в этой области тоталитарного государства, а также в отношении ее создателей — писателей. Тягостное впечатление на литератора произвело ознакомление с содержанием и результатами практического применения Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (1946), основными мишенями которого были А. А. Ахматова и М. М. Зощенко. Эти писатели стали одними из персонажей сновидений Ремизова, всегда появляясь в контексте окружающей их враждебной атмосферы, противостоять которой, как-то поддерживать коллег стремился наблюдатель — автор Дневника.

Запись от 27—28. VII. (1947)

«Бунин на вечере. Надел внакидку мое пальто. Сначала я сидел сбоку, потом он пересел, а я на его место взгнезвился. А раньше я в стороне — по стене занял место на лавке. Но столько народу пошло, меня и выпихнули. На вечере Зощенко. Кто-то говорит, это недопустимо. А я ему глазами, узнал ли, но все идет народ. А заплатил я за вход 52 сантима: (50 — монеткой). С. П. — но что было, не могу вспомнить».

Во снах Ремизова неоднократно возникает тема невозможности издания его произведений в СССР:

Запись 13—14. VIII. (1948)

«Комаров спрашивает, что я написал. “Шурум-бурум”, — говорю, — 2 недели, не отрываясь”. — “Не для нас”, — ответил он. И я понимаю: не для России современной. “А что же для современной я написал?” — спрашиваю себя».

Как уже отмечалось, неприкрашенные сведения о жизни в СССР конца 1940-х гг., полученные как из информационных изданий, так и из рассказов представителей второй волны эмиграции, а также известие о смерти дочери Натальи, привели Ремизова к решению не уезжать в СССР. Любопытно, что во снах это решение получает метафорическое выражение в образах обратного движения — «возвращения» назад, во Францию.

Запись 7—8. VII. (1947)

«Я запутался. Что-то вроде как забыл, или потерял. (...) И иду — не знаю куда — и попал в дом: это уже в России, а из окна “опытное поле” — тут выращивают деревья и всякие овощи — “питомник”. И много — все молодые — что(-то) делают и прыгают. Он объясняет с недоверием к своим объяснениям. И я понимаю, как тут и “делано и серо”, но в Париж мне не вернуться. И я сквозь пространство вижу Париж, театр, разряженных, и вдруг подумал: да в чем же дело, почему там лучше? Что это такое: утонченность — “культура” — и какая лживость».

Запись 17—18. VIII. (1947)

«Шаршун. И я с ним хожу по Москве: у Полуярславск(ого) моста все расчищ(ено) и стоит старая вроде часовни, тонкой золотой резьбы. Потом мы идем подвалами. Я раскрыл наклеенную из газет свою книгу: а Шаршун говорит: “Да ведь это мое”. И мне неловко: это, действительно, мое. Все в Москве. Ехать надо в Париж. И вижу Олю и Наташу — они полетят, но они боятся, сужу по Оле».

Запись 13—14. I. (1949)

«В Москве подыма(юсь) на Земляном валу в Таганку. Снег лежит. Поздний вечер. Я хватился — как возвращаться, и белую палку забыл. Попадаю в дом: там Карские. “Ничего, не беспокойтесь, мы вас проводим”. И вижу, у меня в руках белая палка».

Постепенно образы, мотивы, связанные с темой реального возвращения в СССР, уходят из снов писателя. Образ России покрывается

романтическим флером, хотя в реальной жизни остается острая реакция на события на Родине или даже на косвенные сведения о ней.

Со второй половины 1947 г. в «Дневнике мыслей» на первый план выходит тема творчества. Последнее имело для Ремизова два аспекта: создание собственных произведений и работа с «человеческим материалом»: участие в рождении нового писателя — продолжателя традиций «гоголевского направления», а точнее, литератора, развивающего принципы ремизовской «теории русского лада».

Еще с 1910-х гг. Ремизов видел существенную сторону своей писательской миссии в «учительстве» — пестовании и «дрессировке» молодых литераторов. Наставническое направление его деятельности продолжалось и в годы эмиграции, особенно явственно в начале и середине 1920-х гг. Об этом, в частности, вспоминала близкая знакомая Ремизова Н. В. Резникова: «Постепенно Ремизовы привыкли к Парижу. Круг знакомых расширился. Ремизов привлекал начинающих писателей. Он радовался, что в эмиграции начинает расти литература среди молодых, и охотно занимался с ними. Но в литературе он не мог быть снисходительным: он критиковал, учил и, главное, поправлял на свой лад их произведения: от автора мало что оставалось. Поэтому большинство начинающих, боясь слишком большого влияния Ремизова и желая сохранить свое лицо, скоро отходили от А. М.»¹⁹. Среди причин «отхода» творческой молодежи от литературной учебы у Ремизова можно назвать несколько факторов.

Во-первых, характер эстетической позиции писателя. Она заключалась в пропаганде парадоксальной идеи — чтобы быть достойными продолжателями традиций русской словесности, надо повторить литературную ситуацию петровского времени и первой четверти XIX в. — т. е. использовать уникальную возможность вобрать в свое творчество новейшие эстетические открытия

19. Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 125.

западной литературы, в окружении которой оказались молодые русские эмигранты.

Во-вторых, методы ремизовского «обучения». Как наставник, он читал с пером в руке и жестко, сообразно с собственными эстетическими представлениями, правил «чужой текст», зачастую приобретающий в результате вид ремизовского «творчества по материалу». Целью «правки» было выведение произведения за рамки стандартизированного литературного языка, являвшегося, по мнению Ремизова, искусственно созданным. Такой язык писатель считал главным недостатком «пушкинской линии» развития русской прозы. Уже в середине 20-х гг. он начал пропагандировать свою «теорию русского лада». Согласно пониманию Ремизова, в поисках основы художественного текста — «реального» русского языка — следовало обращаться к формам его бытования в древнерусских текстах, в словарях и в живой речи представителей различных слоев современного русского общества, хотя и разорванного революцией на части.

В-третьих, отсутствие возможности оказывать протекцию в деле публикации творений литературных учеников. За некоторым исключением (речь идет о журнале «Версты»), Ремизов не был влиятельным членом редакций периодических изданий, и поэтому не был способен напрямую влиять на принятие решения об издании произведений молодого писателя. Литератор мог лишь дать рекомендательный положительный отзыв, при этом надо учитывать тот факт, что он всегда был нелицеприятен в оценке опусов начинающих творцов.

К началу 1930-х гг. у Ремизова остались два ученика — В. В. Диксон (1900—1929) и И. А. Болдырев-Шкотт (1903—1933)²⁰, но их

20. Подробнее см.: Грачева А. М. Забытое имя русского зарубежья — Иван Болдырев-Шкотт: (К истории парижской литературной школы Алексея Ремизова) // Эпические жанры в литературном процессе XVIII—XXI вв.: забытое и «второстепенное»: Материалы междунар. науч. конф. VII Майминские чтения. 5—9 октября 2011 года: сб. Псков, 2011. Т. 2. С. 177—184.

жизни трагически рано оборвались. Внешние обстоятельства, прежде всего политические (война, немецкая оккупация), а также личные (тяжелое материальное положение, болезнь жены) повлекли за собой прекращение практики литературного наставничества. После окончания войны возобновилось и приобрело более глубокий характер знакомство Ремизова с Н. В. Кодрянской. Он увидел в начинающей писательнице-сказочнице не только даму-меценатку, много материально помогавшую старому писателю и от избытка свободного времени «балующуюся» литературным творчеством, но и свою последнюю «ученицу». Сказки Кодрянской, как правило, тщательно редактировались, а зачастую и вовсе почти полностью переписывались Ремизовым. Дневниковые записи 1947—1949 гг. отражают интенсивную работу над текстами Кодрянской. Примечательно, что сама «литературная внучка» Ремизова всячески стремилась скрыть факт активного участия писателя в ее творческом процессе, что также нашло отражение в образах сно-форм:

Запись 27—28. III. (1947)

«Кодрянская похудевшая: “Я больше с вами не могу писать”».

Запись 5—6. X. (1947)

«Вижу “Египтянка” (приблудная у Ковалевской, крестил ее дочь). И думаю, сейчас придет Кодрянская: буду проверять сказки».

Запись 19—20. X. (1947)

«Все повторял заключение сказки, боялся забыть. Сейчас испытаю, может и забыл».

Запись 6—7. VI. (1948)

«Просматриваю мои записи из писем к С. П., и нет им конца: целая книга выходит. И подклеиваю, разрывая одну из моих пестрых “конструкций”. Появляется Кодрянская. “Сейчас, — говорю, — возьмусь за ваши сказки”. А их гора — и конца не видно».

Запись 19—20. VII. (1948)

«Пробегает Кодрянская в черном. Недовольна: “Я не исполнил”. — “Но ведь я переписал”, — думаю. Но сказать не могу. Убегает».

Запись 4—5. I. (1949)

«Все время разговариваю с Кодрянской, убеждаю ее заняться книгой — издать, наконец».

Согласно устному свидетельству вдовы В. С. Варшавского Татьяны Григорьевны, ее супруг и другой литератор — В. С. Яновский — тоже занимались редактированием сказок Кодрянской. Вероятно, это делалось и «после Ремизова», чтобы убрать из текстов его ярко выраженную писательскую манеру, вернуть сказки к традиционному нейтральному стилю, отвергавшемуся парижским «учителем». Судя по всему, писатель был осведомлен о дальнейшей правке переработанных, а зачастую переписанных текстов и негативно относился к подобному повторному «исправлению» произведений своей ученицы. В тандеме «соредакторов» Ремизова главная роль, скорее всего, принадлежала Варшавскому. Мемуарное свидетельство Т. Г. Варшавской о деятельном участии ее супруга в «доработке» сказок подтверждается «Дневником мыслей». В целом ряде сноформ Кодрянская появляется вместе с Варшавским:

Запись 23—24. XI. (1947)

«В подъезде библиотеки Мазарини Кодрянская и Варшавский. Очень светло и нарядно. Но я никак не могу попасть. И во втором сне опять Кодрянская. Я объяснял ей строй сказки».

Запись 2—3. IV. (1947)

«К окну, но с проходом стола. У стола на столике телефон. Мы пришли к Кодрянским (...) Кодрян(ская) лежит на диване навзничь. К дивану подойти можно только со стены. (...) Кодрянская позвала, и я вижу Варшав(ского), он вышел из-за дивана. На плече у него полотенце. И к столу, и вынул какие-то тюбики — это не то крем, белая мазь. И прошел к Кодрян(ской) за диван. (Около дивана с этой стороны какие-то тряпки на табуретке). И я взглянул: Кодрян(ская) лежит в платье, но ноги не покрыты. И думаю: “Как же это так Варшавск(ий) — неловко?”»

Запись 20—21. V. (1947)

«Варшавск(ий) лежит в головах. Кодрянская. Я спрашиваю Варшавск(ого) (“допрашиваю”), ему очень тяжело, он отвечает через силу».

Запись 29—30. X. (1948)

«Визжу, бежит Кодрянская и с ней черненькая (если это Прегель С. Ю., то очень похудевшая). А за ними Варшавский».

Аспект получения материального вознаграждения за выполненный труд, несомненно, присутствовал в мотивации работы Ремизова над текстами «литературной внучки». Однако не это являлось для него главным. Сказки Кодрянской, печатавшиеся и получавшие положительные отзывы критики, становились для писателя (редактора, друга, учителя) как бы итоговым представленным читателю «реальным доказательством» верности избранного им литературного пути. Они подтверждали эстетическую правоту его «теории русского лада» — т. е. создания художественного текста на основе живого народного языка, сохранившегося в современной разговорной речи, в древнерусских памятниках деловой письменности, а также в записях фольклористов, в словарях диалектов и говоров.

Всё более значительное место в «Дневнике мыслей» занимает отражение работы Ремизова над своими произведениями. Страницы фиксируют сам ход творческого процесса, продолжающегося и ночью. Это, прежде всего, завершение создания «На вечерней заре» — как уже отмечалось, текста, основанного на творчески переработанной переписке Ремизова с женой за всю их совместную жизнь:

Запись от 20—21. XII. (1947)

«Продолжаю переписывать свои письма. Надо соединить без “дат” — этим и занят».

Запись от 24—25. I. (1948)

«Снова и снова прочитываю письма к С. П. Последние. И вдруг подумал: неужто я их забыл переписать? В письмах есть строчки, выходят из бумаги, застывают».

Запись от 7—8. V. (1948)

«Горькая моя любовь.

С. П. Мы вышли. И по дороге. Красный деревянный дом. Мы вошли во двор. А целой стеной белые голуби. И я осторожно, чтобы не спугнуть.

Перевожу года на новый стиль.

Горькая моя любовь».

Запись от 12—13. V. (1948)

«Нашли папки с письмами С. П. Я все откладываю посмотреть их: боюсь, опять надо переписывать. Но в папках оказались уже переписанные. И рисунки. Лучше не трогать».

Запись от 22—23. VI. (1948)

«И во сне разбираю письма. И появляются адресаты, они, как через воздушное решето, сыплются».

Окончание работы над письмами и архивом жены было воспринято Ремизовым как финал большого этапа своего внутреннего развития:

Запись от 21—22. VII. (1948)

«Как-то все успокоилось — разместилось. О себе скажу, я вдруг посмотрел на прошлое, это много значит. Стало быть, остыл. Я был прав, конечно, и смешно, искал невозможного и даже создал этот образ “нереальный” (...). И опять чувство, как бывает после смерти “знаменитости”, — “вечная память”, под которой чувство освобождения и Бог с тобой, надоел вот как или порядочно».

Завершение литературной обработки переписки было окончанием трудов по сохранению памяти о реальных взаимоотношениях писателя и Серафимы Павловны — истории их любви, разворачивавшейся на фоне художественной жизни России начала XX в. и бытия довоенной русской эмиграции в Европе. Вероятно, проходившая во снах писателя бесконечная череда образов ушедших дея-

телей русской культуры Серебряного века была во многом связана с его работой над письмами той эпохи. Далее в творчестве Ремизова наступил этап романтизации и символизации образа ушедшей любимой, этап, который можно сравнить с абсолютизацией Данте совершенств умершей Беатриче.

В 1947 г. Ремизов начал создавать цикл «Легенды в веках». Первой ступенью реализации этого замысла стало написание произведения «Повесть о двух зверях. Ихнелат», основанного на притче о двух друзьях-шакалах из классического памятника санскритской повествовательной прозы — «Панчатантры». В «Дневнике мыслей» предстают этапы труда над переработкой исходного текста. Сначала в сно-формах отражается освоение писателем материала источника:

Запись от 10—11. VI. (1948)

«Переехали в Берлин, а может, это другой город, только знаю, в Германии. (...) Потом я читаю начало к сказке из Панчатантры. Оно светится и вдруг стеклится. Я хочу запомнить и снова перечитываю».

В дальнейшем в записях фиксируется процесс авторефлексии. Писатель стремится рационально осмыслить причины подсознательного выбора источника — притчи о двух видах дружбы: заканчивающейся предательством и — верной до смерти. По ходу работы писателя над своим вариантом старинной легенды ее герои — Стефанит и Ихнелат — всё более приобретали черты старых интеллигентов-эмигрантов, по судьбе и профессии в чем-то очень похожих на Ремизова.

Запись 11—12. X. (1948)

«Летучий сон. Пищу. Фразы настигает как дуем ветра. И они улетучиваются. Почти не спал. Все мысленно прохожу за “Стефанитом и Ихнелатом”».

Запись 18—19. X. (1948)

«Оканчивая “Стефанита и Ихнелата”, меня вдруг осенило: слезы Их(нелата) открыли мне разгадку — С(тефанит) и Их(нелат) — это дружба (самоубийство Стеф(анита)) “увенчанного”, а Лев и Тельц, хороша дружба: наговор “следящего” Льву на Тельца и Тельцу на Льва разрушил до убийства Тельца: друг убил друга, а не друг убил себя, предвидя гибель (смертная казнь) друга».

«Дневник мыслей» фиксирует интенсивный процесс работы Ремизова над текстом, процесс, развивающийся по нарастающей, продолжающийся не только днем, за письменным столом, но и ночью, в уме:

Запись 22—23. X. (1948)

«Раскладываю разговор — Стеф(анита) и Ихнелата — блестящие “янтары”».

Запись 26—27. X. (1948)

«Сочиняю фразу к “Стеф(аниту) и Ихнелату” — говорит Ихнелат».

Запись 4—5. XI. (1948)

«У меня такое чувство, что я не спал всю ночь, повторяю фразы из “Стефанита и Ихнелата”».

Запись 7—8. XI. (1948)

«Рассматривал тетрадь со “Стеф(анитом) и Ихнелатом”. На правой странице печатный текст, переписанный моей рукой, и картинка. Когда дохожу до картинка, чего-то скучно. Думаю, уничтожу текст. Остается одна картинка. И тут какая-то тетка учит меня по-французски: “При уничтожении надо читать”. А произносит она плохо, думаю: не буду — буду по-русски».

Запись 16—17. XI. (1948)

«Поправляю разговоры Матери Льва. Что-то не выходит. И я все возвращаюсь».

Запись 21—22. XI. (1948)

«Все пишу, не могу отстать — отдельные фразы в “Стефаните и Ихнелате”».

Запись 25—26. XI. (1948)

«Наконец я понял, как надо разделить книгу “*Стефанита и Ихнелата*”. В ней 4 части. Я отделил страницы. И читаю. И это повторяется. Первый раз до 2 ч(асов) ночи, а потом под утро».

Запись 6—7. XII. (1948)

«Читал моего “*Стеф(анита) и Их(нелата)*”, рукопись на больших листах с красным. Но не могу закончить, мешают».

Запись 18—19. XII. (1948)

«Новые сцены из “*Стефанита и Ихнелата*”. Во время разговора с Ихнелатом вдруг показывает Льву, что это ревет Бык. / Лев: “Чтой-то? Мне показалось”. / Их(нелат) [С жиру бесится] Автомобиль гудит».

Дневниковые записи показывают кристаллизацию основной темы повести. Истолковывая смысл своего произведения Н. Кодрянской, Ремизов пояснял: «Старинная русская повесть для меня не только пересказ, а выражение моих чувств, содержание повести для меня материал. Повесть о двух зверях — Стефанит и Ихнелат. О зверях среди зверей. Явление таких, которые получают название “человек” (Стефанит и Ихнелат). (...) Я и Стефанит, я и Ихнелат — человек (...) я беру место и время, что мне ближе по моему чувству: Париж, война, алерт (тревога). События шестого века, а у меня двадцатого»²¹. Основная философская тема произведения Ремизова — экзистенциальное одиночество человека. Писатель материализует эту тему, имеющую явный автобиографический подтекст, в истории двух героев — интеллектуалов, фактически представляющих собой две составляющих человеческой личности. Ихнелат — это та ее часть, которая делает попытку установить связи с социумом, приспособиться, социализироваться и, в итоге, обрести от этого выгоду. Стефанит — воплощение таящегося в человеке стремления бескомпромиссно отстаивать свое «я» и принимать как должное

21. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 113.

свое право на одиночество. В итоге индивидуум в любом случае обречен на уничтожение социумом, но проявлением свободы выбора (хотя бы свободы выбора смерти) личность утверждает свою победу над навязываемым обществом нивелированием ее самооценности и самодостаточности.

Запись 10—11. I. (1949)

«Поднялся с 6 ч(асов). Думал, как назвать “Стеф(анита) и Их(нелата)”. А что если “Звериная комедия”».

В дневниковой тетради сно-формы, посвященные работе над «Повестью о двух зверях», соседствуют с записями снов, фиксирующих острые переживания Ремизовым юридических и психологических последствий принятия им советского гражданства. Это соположение сно-форм делает явными внутренние коннотации тематики произведения с вопросами, волновавшими писателя в реальной жизни, — об осуществленном им праве на свободу выбора и о цене, которую он за это заплатил.

В это время в «Дневнике мыслей» кроме записей, регистрирующих продолжающийся и ночью процесс создания конкретных литературных текстов, появляются сно-формы, которые условно можно назвать «эстетическими абстракциями». Они представляют собой фиксацию свободной творческой мысли автора, мысли, не отягощенной какой бы то ни было прагматической и, вследствие этого, конкретизирующей мотивацией, привязкой к определенному тексту, к реальному или пассивному локусу с присущими тому субъектно-объектными атрибутами. «Содержание» такого рода сно-форм двояко.

Во-первых, это — бесконечно вариативная словесная материализация родового понятия «литературное творчество», различные составляющие которого «визуализируются» во всевозможных пластических образах:

Запись 10—11. IV. (1947)

«Есть два и неизменных способа воплощения образа: физическое и формальное. Я стою перед двумя “конструкциями”. Это вид двух столбиков: книга на книге с выступами. Самое трудное: формальное, п(отому) ч(то) все время движущееся».

Запись 2—3. VIII. (1947)

«Я выбирал целые фразы, все они были сделаны из осколков, деревянных обрубков, и все это выговаривал. Очень было выразительно, и — я их видел перед глазами. И фраза за фразой — надоедливо».

Запись 18—19. XII. (1947)

«Воздушная постройка из цветных квадратов и спиралей. И все это слова».

Запись 21—22. IV. (1948)

«Рукописи в виде карликов: отдельно книги».

Запись 4—5. VII. (1948)

«Над фразой: надо закрепить: начало и конец начинают высвечивать живым огоньком, как пуговка. Не могу добиться: конец должен светиться ровно — зеленым листком. А все не выходит.

Запись 8—9. VIII. (1948)

«Ряды словесных примеров. Как ломтики ветчины. И я все переделываю. И путаюсь. И все боюсь, перепутаю, и забуду».

Запись 10—11. VIII. (1948)

«Изгородь и вся в бисеринках. Бисеринки — мысли».

Запись 9—10. XI. (1948)

«Слова в виде миндальных пирожных укладываю в коробку. Одной мало — надо еще коробку».

Во-вторых, это — сно-формы, в которых единственным субстантивированным субъектом / объектом становится сам автор («я»). Подобно Протею он воплощается в различных сущностях, зачастую перетекающих из одной конфигурации в другую:

Запись 23—24. VI. (1947)

«Я превращался в цветы, расчлняясь, целая грядка, и чудных пушистых зверьков. Я знал, как это делать: тут же находился станок, где выдвигались мною и цветы, и звери».

Запись 26—27. II. (1948)

«Я себя делю на ломтики, как “смокву” — таким я себя вижу. Все это живо, но чтобы действовать, что-то надо со мной сделать. Но я загорожен. И попадаю в загон — невылазная грязь, ступить страшно, а вместе с тем я должен, мне необходимо оставаться в этом загоне».

Запись 19—20. III. (1948)

«Моя комната. Тишина. Не слышно шагов. Ровный земляной ковер. Зеленая лампа. Без окон — и только стеклянная дверь — там проходят. Передо мной сидит человек; в нем все, что есть человеческого. И смотрит: тройным взглядом. И я читаю, как в книге, по строчкам, меж строчек и за строчками. И это несколько трудно, но я чувствую, как, глядя, незаметно для себя, я вхожу в него. И если бы сказать мне, остановиться, я не мог бы. Или он видит во мне тот же тройной взгляд и не может оторваться — не смотреть».

Появление многочисленных сно-форм, воспроизводящих происходящую в авторском сознании работу над своими произведениями, а также сно-форм — «эстетических абстракций» свидетельствовало о наступлении нового этапа в развитии «Дневника мыслей», ставшего с этих пор отражением творческого мышления Ремизова.

В заключение надо отметить, что «Дневник мыслей», как целостное произведение документально-художественного жанра, метафорически можно уподобить уникальной камере-обскуре, при помощи которой возникает возможность увидеть сменяющие друг друга картины из необъятного пространственно-временного континуума

Алексея Ремизова. Вместе с автором читатель оказывается то на Ивановской площади Кремля в момент вступления в Москву войск Лже-Дмитрия I; то в тесной эмигрантской квартирке в оккупированном немцами Париже; то на занесенной снегом улице Петрограда периода «военного коммунизма»; то на собрании советской интеллигенции, где старательно «прорабатывают» А. А. Ахматову и М. М. Зощенко. Население этого ремизовского универсума многочисленно и разнообразно. Его составляют политические деятели прошлого и настоящего (царь Иван IV, император Александр II, В. И. Ленин, А. Гитлер, П. Н. Милюков, И. В. Сталин и др.); писатели, философы, художники разных времен и народов (А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. В. Маяковский, Анри Труайя, Ж. Маритэн, Л. Шестов, А. А. Блок, И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, В. В. Набоков и др.). В сновидениях писателя присутствуют именитые промышленники — обитатели Первопрестольной и петербургские эстеты эпохи Серебряного века; российские революционеры рубежа веков и скромные парижские эмигранты 1940-х гг. В причудливом зеркале Дневника отражаются сложности послевоенного политического размежевания русской эмиграции, различные аспекты противостояния или, наоборот, «воссоединения» обитателей «России за рубежом» с чаемой Родиной. По своей воле Ремизов оказался в эпицентре этого процесса. В «Дневнике мыслей» отображено не только принятие писателем советского гражданства, но и событийные, а также психологические последствия этого факта, отразившиеся как в жизни, так и в творчестве Ремизова. Пришедший на 1947 год 70-летний юбилей литератора стал для него значимым рубежом — моментом свершения обетов и разрешения от «узлов и закрут» прошлого. Одновременно он стал началом нового взлета творческой энергии Ремизова, неустанной работы сразу над многими замыслами. Дневник запечатлел перипетии непростых взаимоотношений с «литературной внучкой» — Н. В. Кодрянской,

и усилия Ремизова вывести свою последнюю «ученицу» на дорогу следования «теории русского лада». Наконец, «Дневник мыслей» стал необычным регистратором динамических всплесков творческого мышления писателя, фиксатором спонтанно возникающих, постоянно видоизменяющихся пластических образов слова. В ночь со 2 на 3 июня 1948 г. литератор записал: «Я нашел ключ: теперь передо мной раскрывается целый ряд непонятных мне вещей». Рассматриваемый как единое целое «Дневник мыслей» предстает тем уникальным «ключом», с помощью которого открывается дверь в бесконечные для познания миры Алексея Ремизова.

А. М. Грачева